

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 144–151

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 144–151

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-144-151>, EDN: UEFKLY

Научная статья

УДК 271.2(470+571)|16|+929[Шушерин+Никон]

Новые данные о новгородце Иване Шушерине – авторе биографии патриарха Никона

П. В. Седов

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия, 197110, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7

Седов Павел Владимирович, доктор исторических наук, заведующий Отделом древней истории России, sedovpv@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1622-1008>, AuthorID: 687423

Аннотация. Статья посвящена биографии Ивана Шушерина – автора «Жития» патриарха Никона. На основе новых архивных данных установлены неизвестные ранее обстоятельства десятилетнего пребывания Ивана Шушерина в ссылке в Новгороде и обнаружены его собственноручные письма, написанные на редкость красивым почерком. Анализ текста «Жития» позволил автору уточнить датировку и замысел этого произведения – важнейшего источника по истории русской церкви второй половины XVII в.

Ключевые слова: Иван Корнильевич Шушерин, патриарх Никон, церковная реформа Никона, Великий Новгород, Валдайский Иверский монастырь

Для цитирования: Седов П. В. Новые данные о новгородце Иване Шушерине – авторе биографии патриарха Никона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 144–151. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-144-151>, EDN: UEFKLY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

New data about Novgorod resident Ivan Shusherin the author of the biography of Patriarch Nikon

P. V. Sedov

St. Petersburg Institute of History RAS, 7 Petrozavodskaya St., St. Petersburg 197110, Russia

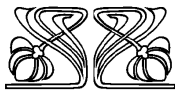
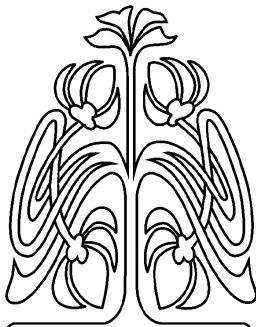
Pavel V. Sedov, sedovpv@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1622-1008>, AuthorID: 687423

Abstract. The article deals with the biography of Ivan Shusherin, the author of the “Life” of Patriarch Nikon. Based on new archival data, it was established the previously unknown circumstances of Ivan Shusherin’s ten-year stay in exile in Novgorod and his own letters, written in extremely beautiful handwriting are discovered. Analysis of the text of the “Life” allowed the author to clarify the dating of the “Life” and the intent of this work – the most important source on the history of the Russian church in the second half of the 17th century.

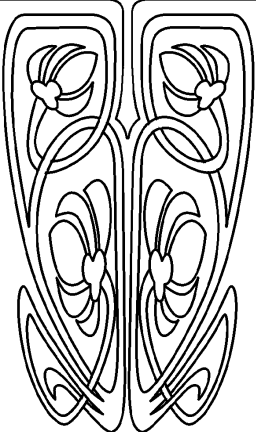
Keywords: Ivan Kornilyevich Shusherin, Patriarch Nikon, Nikon’s church reform, Veliky Novgorod, Valdai Iversky Monastery

For citation: Sedov P. V. New data about Novgorod resident Ivan Shusherin the author of the biography of Patriarch Nikon. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 144–151 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-144-151>, EDN: UEFKLY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Иван Корнильев сын Шушерин-Рипатов был одним из наиболее доверенных людей в ближайшем окружении патриарха Никона. Его перу принадлежит редкий по информативности памятник «Известие о рождении и о воспитании, и о житии святейшаго Никона» [1]. Это сочинение более историческое, чем агиографическое и по богатству исторических сведений о патриархе Никоне стоит в первом ряду наиболее значимых источников.

Сведения о самом И. К. Шушерине немногочисленны. Известно, что по происхождению он был новгородцем, о чем упомянул в своем сочинении: «...Во изгнание послан в Великий Новгород, во свое отечество, бе бо рождение он имея той город». О себе И. К. Шушерин сообщил также, что был «знаем вельми» Никону, «понеже воспитан из детска возраста и возмужа при бедре ево» [1, с. 118]. Как верный и близкий к патриарху человек И. К. Шушерин имел личные связи со всеми тремя монастырями, основанными Никонем. В приходо-расходной книге Валдайского Иверского монастыря 1664/1665 г. находим запись за февраль 1665 г.: «Подьякону Ивану Шушеры дан рубль» [2, л. 90 об.]. В синодике Крестного монастыря записан «Род крестового диака Ивана Корнильева сына Шушерина [3, л. 35]. В Воскресенском монастыре Новый Иерусалим И. К. Шушерин похоронен с сыном Михаилом.

В начале декабря 1666 г., накануне церковного собора, осудившего Никона, Шушерин был арестован. Это событие врезалось ему в память и очень эмоционально описано в «Известии»: «...Меня же взяша два стрельца под обе пазухи и понесоша аки на воздухе, не успевах бо ногами и до земли доткнутися». Затем Ивана Корнильевича «представиша великому государю единому вверху». Алексей Михайлович пригрозил, что, если Шушерин не будет отвечать на его вопросы, то сидеть ему в заточении «дондеже Бог изволит». Иван Корнильевич отговорился тем, что «не ведаю ничтоже», после чего был отдан «за крепкую стражу» и «много зла претерпе в заточении, сидя на Москве три лета», а потом десять лет жил в изгнании в Новгороде. В конце царствования Федора Алексеевича «по прошению» царевны Татьяны Михайловны «свобожден бысть из Новгорода и взят к Москве». В столице он состоял при комнате царевны Татьяны Михайловны, последовательной сторонницы Никона и его реформы, «и милость государскую имея к себе неизреченную паче иных сверстников своих чина того же» [1, с. 57].

Следуя свидетельству Шушерина, можно рассчитать, что в 1669 г. его отправили в ссылку в Новгород и в 1679 г. вернули в Москву. Сведения И. К. Шушерина находят документальное подтверждение: 31 июля 1679 г. в Новгород была послана царская грамота о высылке в Москву «церкви Николая чудотворца, что на Дворище,

дьячка Ивана Шушерина», которому надлежало явиться в Новгородском приказе [4].

Именно в 1679 г. царь Федор Алексеевич стал являть милости к Никону и его окружению, величал его не бывшим, а просто патриархом и даже, по некоторым сведениям, собирался сделать Никона папой и поставить во главе новой церковной иерархии, которая должна была состоять из 4 патриархов, 12 митрополитов и 70 епископов. Этот замысел можно оценивать как претензию не на пятое место в православной пентархии, а на первое. Однако проект не был реализован в связи с кончиной Никона 17 августа 1681 г. [5, с. 422–455].

О времени пребывания Шушерина в Новгороде в 1669–1679 гг. до сих пор ничего не было известно. Новые данные на этот счет удалось обнаружить в фонде Валдайского Иверского монастыря Архива СПбИИ РАН, где сохранились упоминания о деятельности И. К. Шушерина, а также несколько писем дьячка Николо-Дворищенского собора Ивана Корнильева строителю иверского подворья в Старой Руссе Иоилу (Приложение).

В письме от 5 марта 1673 г. из Иверского монастыря на новгородское подворье упомянуто: «Да как был у нас в монастыре Иван Шушора о Рождестве Христове, и взял у нас с собою в Великий Новгород дву хлопцов учить грамоте, и имался зделать к процессам из шелку разного мохры (бахрому. – П. С.)» [6, сст. 13]. В новгородском изгнании дьячек Николо-Дворищенского собора искал средства к существованию рукоделием и обучением детей грамоте.

Важнейшим навыком при обучении грамоте считался красивый почерк. Публикуемые ниже письма И. К. Шушерина 1675 г. строителю старорусского подворья Иверского монастыря старцу Иоилу обличают изысканно красивый почерк автора. В письмах Иван Корнильевич именовал себя дьячком Никольского собора на Ярославовом дворе и отчитывался о выполнении поручений строителя старорусского подворья по разным хозяйственным вопросам. Вероятно, он заменил на время стряпчего новгородского подворья Венедикта Самсонова, который в те дни запыл. Поэтому Шушерин дважды сообщил в Старую Руссу, что «стряпчей немощен, с хмель не может владеть» и еще не «уцеломудрился» (Приложение, сст. 1, 6).

Эта переписка важна по нескольким причинам. Во-первых, можно установить характер «изгнания» Шушерина: служба в дьячках древнейшего новгородского собора. Во-вторых, проясняется круг общения Ивана Корнильевича в Новгороде. И, в-третьих, становится известным почерк автора «Известия», что позволяет сличить его со списками памятника конца XVII в. на предмет выявления автографа.

Примечательно, что в «Известии», кроме Софийского собора, автор упомянул только один

храм в Новгороде – Никольский собор на Ярославовом дворище. В описании восстания 1650 г. Шушерин не только подробно описал стойкое поведение Никона во время мятежа, но и упомянул хорошо знакомое ему место: «...Их народным повелением присно в два набата бияху, во един – градския великия башни, в другие же у соборныя церкви Николы чудотворца на Ярославовом дворище, яже близ земския и таможенных изб, идеже бе их собрание» [1, с. 16].

Шушерин являлся очевидцем восстания 1650 г., хотя, по его словам, был «тогда еще малу сущу» [1, с. 19]. Возможно, он жил неподалеку от Никольского собора, почему и служил позднее дьячком в этом храме. Уже после окончания «изгнания» он оставался вкладчиком Николо-Дворищенского собора. В июне 1689 г. стряпчий московского подворья Иверского монастыря Афанасий Васильев сын Шалашник в послании на новгородское подворье передавал «всем моим нижайшее поклонение», в том числе и брату И. К. Шушерина – Михаилу Корнильевичу (Иван Корнильевич был уже тогда в столице). Далее стряпчий Афанасий просил: «Да скажите Завалишной Бороде, что я с Иваном Корнильевичем Шушериным к Николу чудотворцу на Дворище вкладчик, в благовестный колокол собрал рублев больши десятка по приказом з дьяков и с подьячих, и с своей братьи стряпчих» [7, сст. 1 об.].

До службы на столичном подворье Афанасий Шалашник был стряпчим в Новгороде в 1680–1682 гг. и, как видим, был близко знаком с братьями Иваном и Михаилом Шушериными. Новгородское иверское подворье находилось неподалеку от Николо-Дворищенского собора – на Михайловой улице, рядом со Шведским гостиным двором [8, с. 472–498]. Но главное, что стряпчий Афанасий и Иван Шушерин были вкладчиками одного и того же храма.

Время создания «Известия» до сих пор точно не установлено. Между тем, если следовать за текстом сочинения, время его создания можно определить без особого труда. Последним хронологическим событием, описанным в «Известии», является освящение Воскресенского собора 18 января 1685 г. Данное событие представлено в тексте как конечное прощение Никона и это стало главным мотивом всего произведения. Финальному сюжету предшествовало известие о прощении Никона вселенскими патриархами. Замысел автора состоял в посмертном восхвалении Никона, которого провидение и вселенские власти оправдали заочно. В тексте «Известия» архимандрит Воскресенского монастыря Никифор именован «настоящим», т. е. действующим. Как известно, он правил обителью в 1683–1685 гг. [9, стб. 146]. Таким образом, сочинение И. К. Шушерина было написано в 1685 г. как отклик на освящение Воскресенского собора, которое автор преподносил как важнейшее событие в истории православного Российского государства.

Накануне Крымских походов Московское царство выдвигало себя в качестве поборника всего христианского мира в противостоянии как исламу, так и католикам и протестантам. Копия Храма Господня в Новом Иерусалиме нуждалась не только в каменном воплощении, но и в литературном обосновании призвания России стать центром мирового православия. Такую задачу, разумеется, с благословения и одобрения высшей власти, исполнил Иван Шушерин. Он всячески восхвалял деяния царя Федора Алексеевича, который намеревался вернуть Никона на место главы Русской церкви. Иван Корнильевич не упустил возможности описать, как царь Федор, провожая Никона в последний путь, поцеловал его руку. Но еще более патетически изображено благочестивое событие 1685 г.: царь Иван Алексеевич, царевны Татьяна Михайловна и Софья Алексеевна, «благородныя царицы и благородныя царевны, и от синклита царского величества немало, и множество всякого чина людей от народа» [1, с. 116] совершают эпохальное событие – присутствуют на освящении храма Гроба Господня на русской земле. Обращает на себя внимание отсутствие царя Петра на этом благочестивом действе. По-видимому, царевна Софья преследовала здесь еще и свою политическую цель: как правительница она при отсутствии младшего царя становилась центральной фигурой этого важнейшего события.

По мысли И. К. Шушерина, патриарх Никон, осужденный вселенскими патриархами, а затем ими же прощенный, должен был олицетворять церковную, равно как и государственную доктрину о призвании русского православия на пальму первенства в христианском мире. Однако внутриполитическое противостояние при русском дворе распорядилось иначе. Победившая придворная группировка Нарышкиных сначала не отстранилась от идеи предшествовавшего правления, но со временем нашла совсем иные пути и средства утверждения интересов своего отечества.

Именно после освящения храма Господня в Воскресенском монастыре внутримонастырская переписка Иверского монастыря стала обращать особое внимание на Ивана Шушерина, на что указывают обнаруженные нами новые документы. Иверские власти стали заботливо оказывать Ивану Корнильевичу разные милости, поскольку он состоял в штате царевны Татьяны Михайловны, которая по именному царскому указу опекала основанный Никоном монастырь – Воскресенский Новый Иерусалим. Поэтому заступничество И. К. Шушерина было исключительно важным для иверских властей.

В 1683 г. из Иверского монастыря писали на новгородское подворье: «Ныне июля в 19 день послан от Москвы от Ивана Шушеры человек ево Яков Филипов ради дела в Великий Новгород»; иверские власти велели этого человека «не забывать», а когда он поедет из Новгорода обратно,

дать ему подводы до монастырского села Рахина [10, сст. 213].

Статус комнатного человека в хорамах царевен позволял И. К. Шушерину давать полезные советы тем, кто прибегал к его милости. Следующий эпизод раскрывает атмосферу придворной жизни и обстоятельства влияния при дворе. В конце октября 1683 г. в царском походе слушали отписку из Старой Руссы о неосторожных словах слуги Иверского монастыря. Стряпчий столичного подворья Афанасий Шалашник сообщил в монастырь, что думный дьяк Е. И. Украинцев пометил на отписке: «Великие государи и благородная государыня царевна, слушав, и бояре приговорили – вашего старорусского розсыльщика... бить за его неистовые грубые слова кнутом в торговой день на козле и в проводку». Уже после приговора иверские строитель и стряпчий пытались все же заступиться за монастырского слугу, но думный дьяк «на нас горазно возярился и закрычал» и прибавил: «Что-де мне указано пометить, и я-де так и помечал, а сверх государского указу делать не хочю», а дерзкого слугу следует не то что высечь, а повесить. Тогда строитель и стряпчий «с той челобитной ходили к Ивану Корнильевичу Шушерину и к иным добрым людям, и о том докладывали... И Иван Корнильевич нам сказал и иные люди присудили: что-де вверху помечено, быть тому так, а болши того спорить и натужно бить челом не велели, чтоб и болши не испорить» [11, сст. 44–45]. В этом случае И. К. Шушерин выступает как главный ходатай в столице по делам Иверского монастыря.

Еще большую осведомленность о том, что творилось во дворце, Иван Корнильевич проявил в следующем эпизоде. В той же отписке конца октября 1683 г. строитель и стряпчий сообщили о прибытии в столицу из Новгорода спальника Михаила Васильевича Собакина, который собирал в царскую казну «запросные» деньги с софийского дома и новгородских монастырей. Спальник заехал и в иверскую обитель, где взял из монастырской казны 100 руб. Узнать о результатах этой поездки строитель и стряпчий отправились к своим заступникам: «...Добрых людей докладывались и к Ивану Корнильевичу о том же ходили. И он рекся пожаловать те денги выходить на строение церкви, что на вашем, государи, московском подворье и челобитную донести благородной государыне царевне хотел, толки еще по се число октября по 26 день челобитной ему, Ивану, за недосугами монастырскими и ваших, государи, дел не подавали». Разузнав обстановку во дворце, И. К. Шушерин сообщил строителю и стряпчему, что иверские власти опрометчиво дали спальнику 100 руб., «поверя напрасным ево словам, потому что у него указу и никакова писма не было, а толко он был отпущен попросить в честь к преосвященному

митрополиту, а инде нигде ему быть не велено. И то-де он ездил и збирал по монастырям сам собою, затеяв напрасно, чиня выслугу себе. И о том вверху ропот болшой... И крепко Иван Корнильевич говорит, – писали строитель и стряпчий, – что-де, недосмотря указу, денги дали напрасно, потому, хотя б-де и впрям послан был он, Михайло, по монастырям такие денги збирать, и к вам бы-де, государем, от кого-нибудь хотя малое писмо было б, потому что тот ваш, государи, Иверской монастырь у великих государей и у благородной государыни царевны не в забвении» [11, сст. 46]. Как видим, Иван Корнильевич не только знал, о чем говорили во дворце, но и уверенно комментировал распоряжения высшей власти, которые ему были хорошо известны.

В мае 1685 г. Афанасий Шалашник сообщил из Москвы в монастырь, «что в нынешнем во 193-м году мая в 25 день Иоанн Корнильевич [Шуше]рин поехал в вотчину свою в новоторжскую для досмотру и пристройства крестьян и всякого заводу. И что мы к вам, государем, преже сего об не[м Иване] Корнильевиче писали по его прошению, чтоб вы пожаловали ево за добродетельство к дому святому [и к вам] государем изволили дать в ту ево вотчину против [иных] монастырей работников и скота на завод... А [от иных] монастырей ему, Ивану Корнильевичу, на подмогу дав[ано ло]шади и коровы, и на работу крестьяне. А которые [дал]ние монастыри, давали денгами рублев по два и горазно болши». На обороте этой отписки иверские власти велели записать распоряжение о посылке с монастырского скотного двора «в Новоторжской уезд в вотчину Ивана Корнильева сына Шушарина» двух работных лошадей, двух дойных коров и по 10 четвертей ржи и овса [12, сст. 14–14 об., 32].

Таким образом, благодаря милости царевны Татьяны Михайловны Иван Шушерин обзавелся вотчиной, что для дьякона было весьма щедрым пожалованием. Не только Иверский монастырь, но и другие обители считали необходимым помочь влиятельному во дворце человеку завести хозяйство в пожалованном ему имении.

В ответном послании из монастыря настоятель писал на столичное подворье о посылке И. К. Шушерину скота и хлеба и прибавил: «Да и сами мы, архимандрит, с ним Иваном Корнильевичем (в черновике далее зачеркнуто: в селе Выдропуске) хотели свидетца и ради того нарочно послан слуга. И он-де, Иван Корнильевич, до того слуги съехал по указу великих государынь царевен к Москве» [12, сст. 18]. Желание настоятеля привилегированного монастыря лично засвидетельствовать почтение комнатному человеку царевен подчеркивает его значимость как влиятельного заступника. О подобной «неизреченной» милости к нему во дворце не без гордости писал и сам Иван Шушерин.

Время от времени И. К. Шушерин навещался в родной Новгород. В 1686 г. он вложил на престольное евангелие в Спасо-Нередицкий монастырь [13, с. 497]. В сентябре 1687 г. строитель и стряпчий новгородского подворья писали в монастырь, о том, как они хлопотали перед новгородским воеводой боярином П. В. Шереметевым о выводе кабака из монастырской вотчины. Для этого они вознамерились просить И. К. Шушерина обратиться к воеводе с письменной просьбой по этому делу. Строитель и стряпчий загодя почтили своего заступника вином, о чем писали в монастырь: «Да против вашего властного писания Ивану Корнильевичу Шушеры подобную честь vzdали, и он, Иван, поехал в Олександров сентября в день да взял в долг ренского двенадцать стоп ценою стопу по шести алтын» [14, сст. 41 об.]. Воевода не желал идти навстречу иверским властям и свести кабака из монастырской вотчины: «...Боярин только молчит, – писали из Новгорода в монастырь, – и мы ныне о том ожидаем Ивана Корнильевича из Александрова и будем ему бить челом, чтоб он о том кабаке о снимке заступил боярину государю милостию своею» [15, сст. 38]. В данном случае слово влиятельного комнатного человека, каким стал И. К. Шушерин, могло быть значимым даже для такого великородного боярина и воеводы.

И. К. Шушерин заступался перед воеводой и по другим делам Иверского монастыря. В октябре 1687 г. иверские власти сообщили в Новгород: «А о боровицкой пошлыны с Ываном Шуш(ерой не)говорили, потому что он задолго вашего писания от (мо)настыря съехал к Москвы» [14, сст. 60]. В том же месяце в ответном послании из Новгорода подтвердили, что «Ивана Шушары наше писание (в монастыре. – П. С.)... не застало, и Иван Шушара прислал... о снимке зимнегорского кабака (гра)мотку, чтоб боярин приказал тот кабака перенести» [14, сст. 62]. 23 октября из Новгорода известили как подали воеводе письменное заступничество И. К. Шушерина: «И пис(мо) Ивана Шушоры боярину подал, и боярин пр(отив) ево писания мне говорил: у меня-де вам (пре)жи сего говорено, что без указу великих государей того мне кабака за челобитьем грацких людей перевести не уметь» [14, сст. 73].

В следующем году Иван Корнильевич снова был в Новгороде. Строитель и стряпчий новгородского подворья послали ему в дорогу гостинцы, сопроводив их вежливым посланием: «Государю нашему Ивану Корнильевичу Иверского монастыря новгородского подворья их, государей властей, послушники иеромонах Мартинян да стряпчей Стенька Тюренов челом бьем тебе, государю, в путном шествии с Пречистой Богородицы с подворья – хлебом да рыбку 5 сивгов, да питья шклянницу церковного, да ренского тож. Прикажи, государь, тот вышеписанный хлеб и рыбку и питье принять и во здравие кушать»

[16, сст. 32 об.]. В 1689 г. иверский архимандрит писал из столицы на новгородское подворье: «Ныне генваря в 16 день поехал с Москвы великих государей клучник Василей Кселов ради дела дьяка Ивана Корнильевича Шушеры» [17, сст. 12]. Сведений о том, что это было за дело, нам не известно.

Влияние И. К. Шушерина и его сына Михаила во дворце закончилось сразу после падения режима регентства. В октябре 1689 г. иверский стряпчий писал из Москвы: «А что изволили вы, государи, Михаилу Ивановичу Шушарину милости просить о заступлении, и Михайло ныне и сам пути не видит, так же добрых людей ныне забегает, а вам, государи, так ж. И нам по милости добрых людей, хотя себе ныне нарочного и пастыря монастырским делам, не имеем. Еще есть заступники не в Михайлову пору, а Михайлу за отцом, и когда было время, в то время и служило, а ныне отпало, и для того у него ныне и милости просить не о чем» [18, сст. 21]. Впрочем, в письме из монастыря на московское подворье 5 ноября 1689 г. иверские власти все еще рассчитывали на Михаила Шушерина как на заступника в деле незаконной табачной и винной торговле, поскольку послали три «грамотки»: одну царевне Татьяне Михайловне, «да две к Афтамону Ивановичу (думному дьяку А. И. Иванову. – П. С.), Михаилу Шушарину о том же деле» [19, сст. 74 об.].

После потери места при дворе Иван Шушерин занял место крестового дьяка Воскресенского собора в монастыре Новый Иерусалим. Его «усердием» в соборном храме было завершено создание придела Архистратига Михаила, освященного 29 апреля 1690 г. В этом приделе Иван Корнильевич приготовил себе место последнего упокоения, здесь он был похоронен в 1693 г., а вслед за тем и его сын Михаил.

Новые данные об Иване Шушарине позволяют проследить эволюцию его отношения к Никону. До осуждения патриарха он был его верным слугой и, разумеется, не мог себе позволить какую-либо самостоятельную позицию относительно своего начальника и благодетеля. В декабре 1666 г. его бесцеремонно задержали и поставили перед царские очи. Неудовольствие царя обошлось Ивану Корнильевичу трехлетним заключением и десятилетней ссылкой в Новгород.

Царская опала вразумила Ивана Корнильевича. Возвращенный из ссылки при царе Федоре Алексеевиче, он прославил в своем сочинении благочестивого царя Федора, а затем и царя Ивана (но не Петра) и в особенности царевен Татьяну Михайловну и Софию Алексеевну. После прощения Никона вселенскими патриархами И. К. Шушарину больше не приходилось выбирать между властолюбием низложенного патриарха и царской властью. Обретя милость

во дворце в годы регентства, Иван Корнильевич всецело встал на сторону возвысившегося самодержавия, которое отвергло властолюбие Никона, но решительно поддержало его церковную реформу.

Список литературы

1. Известие о рождении и о воспитании, и о житии святейшаго Никона патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериним. М. : Изд. Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря, 1871. VIII, 119 с.
2. 1664/1665 г. Приходо-расходная книга Валдайского Иверского монастыря // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181 (Валдайский Иверский монастырь). Оп. 2. Д. 25.
3. XVII в. Синодик Крестного монастыря // Российская Национальная библиотека (РНБ ОР). Ф. 550 (Основное собрание рукописной книги). Q I-1561.
4. 1679 г. июля 31. Грамота новгородскому воеводе боярину князю Юрию Михайловичу Одоевскому о высылке дьячка Ивана Шушерина в Москву // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 3. Д. 1081.
5. Седов П. В. Закат Московского царства: царский двор конца XVII в. 2-е изд., испр. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 603, [1] с.
6. 1673 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря с новгородским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2181.
7. 1689 г. Отписка стряпчего московского подворья Валдайского Иверского монастыря Афанасия Шалашника стряпчему новгородского подворья Ивану Тюреневу // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3853.
8. Седов П. В. Подворья Валдайского Иверского монастыря в Москве и Новгороде во второй половине XVII – начале XVIII века // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII веков (Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. Вып. 1 (17)) / отв. ред. П. В. Седов. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 436–553.
9. Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви: [С Алф. указ. монастырей, сост. М. Семевским] / сост. из достовер. источников Павел Строев, орд. акад. С.-Петерб. акад. наук. СПб. : Археограф. комис., 1877. X с., 1064, 68 стб.
10. 1683 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря с новгородским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3228.
11. 1683 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря с московским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3233.
12. 1685 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря с московским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3452.
13. Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях : в 2 ч. Ч. 1: Древние церкви в Новгороде

и его окрестностях. М. : Типография В. Готье, 1860. V, 654 с.

14. 1687 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря с новгородским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3664.
15. 1687 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря со старорусским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3615.
16. 1688 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря с московским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3727.
17. 1689 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря с новгородским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3816.
18. 1689 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря с московским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3835.
19. 1690 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря с московским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3922.

Приложение

1674 г. марта 26–1674 г. – Отписки дьячка церкви Николая на Ярославовом дворище Ивана Корнильева строителю старорусского двора Иоилю о совершении разных покупок. 7 сст.

(сст. 1) † Господину всечестнейшему и всепреподобнейшему отцу строителю и соборному старцу Иоилю радоватися и здравствовати о Господе усердно желаю. Благодать тебе буди и милость, и мир от Господа Бога благословеннаго, его же слава и держава во веки веков. Аминь.

Писал твоя честность к нашей худости о Якове Фешине, и мы с подворья по него, Якова, посылали, и его, Якова, в Новеграде ныне нет. А приходил брат ево родной Петр и сказывал, что-де будет брат ево Яков с озера в субботу или с утра в воскресенье. А о записи-де мы еще и сами не имывали из земской избе. А будет-де еще угражать о том деле, скоп ныне вскоре. А как-де брат Яков приедет, и мы-де ево тотчас пошлем к отцу Иоилю, чаю-де, что в воскресенье поедет и со всею вестью. И что гражания приговорят, о всем будет твоей честности отповедь и крепостями укрепитеся. А будет-де и сам отец Иоиль изволит в Великий Новград приехать, и он бы-де изволил ехать и переобрачивал. И о том тебе, господину, буди ведомо, как твоя честность изволит.

А что ты, господине, прислал четыре воза овса, и тот овес Константину три воза сослал, а четвертой воз стряпчему отдали, а он еще не уцеломудрился.

А что ты, господине, прислал денги за рыжки и хартию и дугу, и то все твое благословение до меня дошло. Да послал я к твоей честности брусок оловяной, что я завес со ржаным маслом, как сам был в Русе, да боченку Орловскому послал же.

Ивашко Корнильев, написавый сие писание, со всеми домочатцы рабски по премногу челом бью. Марта в 26 день. //

(сст. 1 об.) † Господину строителю и соборному старцу Иоилу. //

(сст. 2) † Господину всечестнейшему и всепреподобнейшему отцу великому строителю и соборному старцу Иоилу радоватися и здравствовать о Господе всеусердне желаю. Благодать тебе буди и милость, и мир от Господа Бога благословеннаго, его ж слава и держава во веки веков. Аминь.

Писание от твоея честности до нашей ходости чрез розсылщика Павелка и денги на покупки в целости дошли. И я купил губу, а дал 3 алтына 2 денги да шелку красного купил две куклы весом 50 золотников, а дал без полугривны двадцать алтын, и послал тое покупку с подьячим с Биваном Орловским ко твоей честности.

А что ты, господине, писал о столе, чтоб приказать сделать строителю воскресенскому Илье, и я строителя Илью видел и ему говорил о столе, и он стола делать не ялся, потому-де что досок таких готовых нет, а се делать-де недосуг. А что ты, господине, прислал денег четыре гривны на крашенину и пять алтын на проволоку на медную на зеленую, и я крашенины купил пол 11 аршина, а ценою дал за всякой за аршин по 5 копеек з денгою, потому что твоя честность писал добрыя крашенины купить. Итого денег на крашенину пошло 20 алтын без алтына, а крашенина добрая киндячной цвет. Да меди зеленая фунт дал 5 алтын. А что у меня твоих денег на покупку сию недостало пяти алтын четырех денег, и я те денги взял у подьячево у Ивана Орловского. //

(сст. 3) Да слышел я, что-де надобь вашей честности жеребец немецких коней. И ныне, господине, есть жеребец на свейском дворе у Ивана Деина светлосер, на лето будет ему пятой год, нарочит. Ныне еще дни с три, как ис Кольвани пришел, а ценою просит сорока рублей, а тридцать рублей, сказывает, и дьяк Иван Степанов ему гораздо давал, а чаю, что тридцать пять рублей и возмет. И ты, господине, буде изволишь ево купить или не изволишь, о том отпиши к нашей худости.

А по сем мира и здравия благоприбывания от Христа Бога всеусердне тебе получитьи желаю. Аминь.

Из Великаго Новаграда соборная церкве Николая чудотворца Ярославля дворища дьячек Ивашко Корнильев со всеми домочатцы, Бога моля и благословения прося, рабски челом бью. //

(сст. 2 об.) † Господину строителю и соборному старцу Иоилу. //

(сст. 4) Господину всечестнейшему и всепреподобнейшему отцу строителю и соборному старцу Иоилу радоватися и здравствовать о Господе всеусердне желаю. Благодать тебе буди и милость, и мир от Господа Бога благословеннаго, его же слава и держава во веки веков аминь.

Писал ты, господине, к нашей худости и прислал два куля муки ржанья и четыре корня хрену и тридесать ретчин. И аз то твое послание против твоего писания все в целости радостнее приях и много челом бью и с Федосием поделился. И Феодосей Иларион, и другой наш Феодосей все челом бьют и обще милости просим: пожалуй, буде мочно, добыть еще хренку. И ты, господине, пожалуй и еще добудь и к нам пришли. А что ты, господине, изволил писать о сухарях, чтоб тебе ведомо учинить подлинно, и я ныне за душевными недосугами подлинно проведать не изоспел. А слышел я прежде Сырныя недели, что-де прислана государева грамота с Москвы к боярину к Петру Васильевичю Шереметеву и к дьяку, чтоб им отписать к великому государю к Москве: по какому указу оне збирали с Новгородскаго уезду сухари и крупы, и толокно на прошлой на 181-й год. И боярин-де о том к Москве писал, что-де по государеву указу збирал и по грамоте. И против той отписки боярской с Москвы еще отповеди не бывало. А как будет подлинная весть, и я, проведав, тотчас твоей честности отпишу. А на нынешней 182-й год еще сухарей не видать платячи никою. А в Великом Новеграде все поздорову и вновь ничево не слышать. А старец Феодосей и стряпчей Венедихт из монастыря с хлебами приехали. Да пожалуй, господине, изволь // (сст. 5) прислать иноземцу Якову за олово денег пятьдесят рублей без полутретьих рублей да Андрею Арманову два рубля за белое железо, да Ивану Росторгуеву за масло, как ты изволишь денгами прислать или солью заплатить, или как ты изволишь. А масло у него Гриша дворник весил, и весом пять пудов восьми на десять гривенок з деревом. А масло взято на подворье и не досматривал, Гриша сказывает, будто-де нельзе досмотреть: как-де статью вынимать, так-де опять будет не вставить дна. А ис диры проверить нельзе-де: как-де будет проверить дира, так-де нельзе будет в дорогу вести – масло-де станет течь. И о том как твоя честность изволишь. А я говорил Гриши, что лутче бы досмотреть того масла, и он без твоего указу не хочет. Да пожалуй, господине, и мне на харч денег изволь прислать, а у меня ныне з денгами скудость. Да послал я к твоей честности шубу, в чем была ретка оберчена.

А по сем мира, здравия, долгоденствия тебе со всеми любящими тя от Христа Бога всеусердно желаю Ивашко Корнильев, написавый сие писание с супругою и с чады, и с вашими отрочаты, благословения прося и Бога моля, рабски челом бьем.

Да бил челом твоему благоутробию Якунка Маленькой с матерью, чтоб ты пожаловал по своему слову сенца прислал везенку корове.

Да послал я, купив, твоему здравию щеглинка да чижики в твоей клетке с теми ж мужиками, которыя к нам муку привезли.

А будет изволишь сам, твоя честность, побывать в Великом Новеграде, и ты изволь потому, что впредь быть будет неколе, как дорога испортится.

Ивану Орловскому челом бью, пожалуй, Иван Дементиевич, отъищи мою дугу у мужика, что увез с Чавниц, а будет он по соль, да хартию мою пришли, а я войлук твой сослал. //

(л. 4 об.) † Отдать в Старой Русе Пречистыя Богородицы Иверскаго монастыря строителю и соборному старцу Иоилю. //

(сст. 6) † Господину всечестнейшему и всепреподобнейшему отцу строителю и соборному старцу Иоилю радоватися и здравствовати о Господе усердне желаю. Благодать тебе буди и милость и мир от Господа Бога благословеннаго, его же слава и держава во веки веков. Аминь.

Челом бью за твое приятное жалованье, что ты пожаловал прислал ко мне сенца везенку, и то до меня твое благословение дошло. А про нас изволишь ведать, и у нас милостию всеильнаго Бога все поздорову. А за делами монастырскими нужно ходить некому, а дела, чаю, ведомо тебе, что нуждыя и многия, а стряпчей немощен, с хмель не может владеть.

А по сем здрав буди и спасайся в неисчетныя лета. Аминь. //

(сст. 6 об.) † Господину строителю и соборному старцу Иоилю. //

(сст. 7) † Господину всечестнейшему отцу строителю и соборному старцу Иоилю из Великаго Новаграда соборныя церкви Николая чудотворца Ерославля дворища дьячек Ивашко Корнильев, благословения твоего прося со всеми домочатцы и Бога моля, челом бью.

Ведомо тебе, господине, буди, что ныне из-за рубежа приехал иноземец Федор Арманов, а товаров у него на вашу руку есть: шляпы чернеческия черныя и берыя, и гвоздика, и шкатулки хорошия водочныя и болшия, и ножев хороших с вилками. И будет что твоему благоутробию понадобится, и ты б, господине, о том ведал, того ради я твоему благословию и возвестил. Да пожалуй, господине, вели прислать дугу, что у вас на приказном чюлане была положена, потому что она чюжая, и на мне всегда спрашивают.

А по сем мира и зравия, благодетствия тебе от Христа Бога всеусердне желаю. Аминь. //

(сст. 7 об.) † Господину строителю и соборному старцу Иоилю. //

Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2345. Сст. 1–7 об. Подлинник.

Поступила в редакцию 04.01.2024; одобрена после рецензирования 13.01.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 04.01.2024; approved after reviewing 13.01.2024; accepted for publication 10.02.2024